

Глава 1

В тот день, когда все стало рушиться, Бен проснулся от плача ребенка. Он свесил ноги с кровати, и едва его ступни коснулись пола, боль пронзила все тело от икр до висков. Сердце угрожающе екнуло.

Доносившиеся из глубины коридора судорожные вздохи и завывания Мики сделались громче.

— Иду! — крикнул Бен, и новый укол боли прострелил его голову.

Он бросил взгляд на другой край кровати: там скомкалось откинутое покрывало, простыня скрутилась в тугой жгут. «Интересно, где Джун?» — озадачился Бен. Пустующая половина кровати уже стала нормой — жена практически не спала по ночам с той поры, как родился их сын. Но когда Мики плакал, Бен обычно слышал ее голос, пытавшийся успокоить малыша, уговорить его замолчать. «Ну-ну, не плачь, не настолько же все плохо», — бормотала Джун. Или: «Мики, мальчик мой, ты капризничаешь сейчас, как сущий ребенок».

Ручки Мики, лежащего в колыбельке, сжались в крошечные сердитые кулачки. Личико малыша настолько указил плач, что он даже не заметил приближения отца,

и его глазки в потрясении расширились, когда тот подхватил сына на руки.

— Мики, мальчик мой, — пробормотал Бен над маленьким ушком. — Ты раскапризничался, как сущий ребенок.

Положив сына на пеленальный столик, Бен сменил подгузник, вновь натянул на мальчика пижамные штанишки и усадил к себе на бедро. Мики сделал дрожащий вдох и чихнул в лицо папе.

— Будь здоров! — пожелал ему Бен, протерев глаза предплечьем. — А теперь пойдем, поищем твою маму.

Однако Джун не оказалось на кухне, где думал найти ее Бен. Нахмурившись, он молча повернул голову вправо, затем влево, как будто бы жена могла забиться в один из шкафчиков.

— Джун! — позвал Бен, но дом ответил ему тишиной.

Прищурившись, Бен постарался вспомнить, не говорила ли ему Джун о ранней встрече с кем-нибудь в тот день. Но поздним вечером накануне, когда он лег в постель, они обменялись всего парой пустых незначащих слов. Бен вообще не смог припомнить, когда они нормально разговаривали в последний раз. На секунду он ощутил прилив гнева на фирму «Кларк энд Уайт», отнявшую его у собственной семьи. Но Бен поспешно подавил негодование. В конце концов, именно эта работа позволяла ему платить за дом, в котором он сейчас находился.

Бен посмотрел на личико сына — надутое и обиженное.

— Успокойся, — произнес он, посадив Микки удобнее на бедро. — Мама где-то здесь.

Но Джун не было ни в гостиной, ни в столовой, ни в ванной внизу, ни в одной из двух ванн на втором этаже, ни в гостевой комнате, ни в его кабинете. Жена не откликнулась, когда он ее звал, и Бен выискивал ее глазами на улице, когда выглядывал в окна. И хотя Джун точно не было в их спальне или в детской, Бен проверил обе комнаты повторно. Пусто. А потом он обнаружил в гараже их машину: жена ею не воспользовалась. Ему следовало испытать облегчение? Бен не знал. Но он его не почувствовал. Весна в Нью-Джерси только-только вступила в права: шла первая неделя марта. И по ночам на улице еще было холодно. У Джун должна была быть очень веская причина, чтобы пойти куда-то пешком.

Бен направился к ее гардеробной. Если бы он не нашел там ботинок жены, это значило бы, что она просто вышла ненадолго по какой-нибудь надобности — к примеру, за молоком в магазин. Это было странно, но не невозможно.

На пороге гардеробной Бен щелкнул переключателем; одежда жены озарилась резким белым светом. Бен подошел к платяному шкафу и замер. От него веяло запахом Джун — особенным, неповторимым. Ароматом кокосового шампуня вкупе с характерным душком носешной одежды. В груди Бена всколыхнулось что-то вроде сожаления или ностальгии. Запах жены походил на воспоминание, и это было ему неприятно.

На полу валялась куча грязного нестираного белья. Вокруг в два ряда безвольно свисали с плечиков блузки, платья и пальто. А опоясывающая гардеробную полка над ними чуть не падала от небрежно сложенных трико, колготок и разнообразной обуви для танцев; там были

и ее черные туфли, и балетки, и степовки с металлическими набойками, и уродливые бежевые башмаки на толстых и коротких каблуках. Нет, Джун не пошла в магазин...

Взгляд Бена привлекло кое-что на шкафу: брешь в коробках с вещами длиной фута* в три. Оголенная стена за ней сверкала белизной. В этом месте Джун обычно хранила свой небольшой плоский чемодан.

Бен простоял, глядя на пустое пространство, довольно долго. И лишь потом сделал шаг. Выключил свет, опять погрузив гардеробную в темноту, и устремился к главной ванной. Ноги Бена передвигались так, словно им задавали темп мощные электрические разряды, а в голове было до странности пусто, как будто его разум не желал осмысливать представленные ему доказательства. На их общем туалетном столике, в их общей с Джун подставке для зубных щеток ютилась всего одна щетка — его.

Поверхность столешницы вокруг раковины Джун была абсолютно пустой.

«Нет-нет-нет».

Вернувшись в их спальню, Бен положил Мики на кровать и схватил с прикроватной тумбочки телефон. Экран был черный — ни звонков, ни сообщений. Бен набрал Джун, но его вызов сразу был перенаправлен на голосовую почту.

«Нет, нет, нет».

Бен посмотрел на их сына. Джун не оставила бы Мики. Он был в этом твердо уверен. И все же... жены здесь не было. Ее не было в этом доме. В их доме! В этом Бен

---

* Один фут равен 0,3 метра.

тоже уже не сомневался. Он впал в ступор, как будто шестеренки в его голове заклинило на двух противоречащих друг другу истинах: Джун не могла уйти; Джун ушла.

Бен сделал глубокий вдох, принудил плечи расправиться. Ему просто надо было все хорошенько обдумать. Во-первых, двери были заперты, в дом никто не проникал. Значит, Джун не могли похитить из их постели. Шансы на то, что у нее была какая-то ранняя встреча, а его перегруженный мозг о ней позабыл, имелись. Этой встречей можно было объяснить и отсутствие чемодана, и наличие ботинок или машины. Вполне вероятно, что через несколько часов Джун войдет в дверь, и они посмеются над тем, что он заработался до того, что запомнил о ее совершенно безобидном визите к... стоматологу.

И все же... пока одна часть Бена убеждала его в том, что исчезновению жены найдется обычное, логичное объяснение, другая его часть обмирала от ужаса. Отсутствие Джун казалось Бену каким-то... неправильным. Он снова попытался до нее дозвониться, и в ответ опять включилась голосовая почта.

До рождения Мики Джун не особо следила за телефоном. Она ставила его на беззвучный режим во время репетиций, забывала отвечать на звонки или смс-сообщения или отвечала на них через несколько часов после получения. Но, став матерью, Джун практически не расставалась с мобильником, а если теряла, то иступленно металась по комнатам в его поиске, как будто Мики мог в любой момент оказаться на волосок от смерти и она должна была успеть набрать 911 ради его спасения. Бен позвонил жене еще раз. Опять голосовая почта. Еще

один звонок — то же самое. Еще раз, еще и еще. И снова: «Оставьте свое сообщение...»

Бен уставился на экран, пытаясь сообразить, кто мог бы помочь, кто мог знать, где жена. Мать Джун умерла, а ее отношения с отцом — если не считать традиционной поздравительной открытки ко дню рождения, продиктованной отцовским долгом, — можно было охарактеризовать одним словом: отчужденность. «Может, позвонить в студию?» — подумал Бен. Хотя Джун покинула труппу Марты Грэм* после рождения сына, до его появления на свет она проводила там большую часть времени. В телефоне Бена номеров других танцовщиков и танцовщиц забито не было. Погуглив компанию, он нашел ее контактный номер, но на его звонок никто не ответил.

Тогда Бен решил позвонить Моли. В последний раз он виделся с лучшей подругой Джун несколько месяцев назад; она приезжала поздравить их с новорожденным. Но Бен полагал, что жена поддерживала с ней связь по телефону. А сейчас, стоило Бену подумать о Моли, и вероятность того, что жена решила поехать к подруге на длинный уик-энд, показалась ему реальной. «Она вроде бы упоминала о таком намерении недавно», — приободрился Бен. Звонить в начале седьмого утра было неудобно — слишком рано. Но у Моли тоже имелся ребенок, так что она, скорее всего, уже бодрствовала. Ощущая, тем не менее, вину, Бен набрал нужный номер.

— Бен? — раздался голос Моли.

И по ее озадаченному тону он сразу понял: Джун не гостила у подруги. Сердце Бена сжалось.

---

* Американская танцовщица, хореограф, педагог.

— Привет, Моли. — Внутри уже все затрепетало от страха, однако вежливость взяла верх, и он добавил: — Как поживаешь?

— Гм-м... хорошо, — ответила Моли, но ее ответ прозвучал как вопрос. — Я немного сонная, потому что всего шесть утра. У вас все в порядке?

— Извини, я... — Бен попытался сдержать панику, засквозившую в голосе. — Я просто проснулся, а Джун в доме нет, и на звонки она не отвечает. Я уверен, что ничего страшного. Я уверен, что она... — Бен не смог закончить фразу, потому что он ни в чем не был уверен; он понятия не имел, где была его жена и почему она находилась не там, где ей следовало находиться. — Я уверен, что все хорошо.

— Погоди, ты о чем? Я не понимаю. Она что... Где Мики?

— На моей другой руке.

— А Джун с вами нет? Она отлучилась по делам или... пропала?

— Она не пропала. Она... — Бену не хотелось договаривать, но как он мог не сказать? — Она забрала с собой чемодан.

Повисла долгая пауза. А потом Бен услышал *тот самый* вопрос:

— Она ушла от тебя?

— Нет. О, господи! Нет...

Как же жестоко прозвучало это слово: «Ушла».

— А тогда зачем она взяла чемодан? — Не услышав от Бена моментального ответа, Моли продолжила: — Что с вами двумя происходило в последнее время?

Бен растерянно посмотрел на мобильник:

— Что? На что ты намекаешь?

Бен знал Моли почти столько же, сколько и Джун. Они были друзьями. И подтекст ее слов — подразумевавший, что он тоже ответственен за случившееся, — подействовал на Бена так, словно Моли дотянулась до него по телефонной линии и залепила пощечину.

Еще одна пауза. Но уже короче первой.

— Я... я лишь хотела сказать, что не общалась с Джун несколько недель. Я не знаю, что с ней происходит.

Бен нахмурился. Он полагал, что Джун и Моли разговаривали по телефону или хотя бы обменивались сообщениями почти каждый день. Бен открыл рот, чтобы что-то сказать, но почти сразу же сомкнул губы. Ему сейчас надо было сосредоточиться на том, что тревожило его гораздо сильнее.

— Послушай, Моли, мне надо идти. Буду пытаться дозвониться до Джун. Подумаю, кто еще может что-нибудь знать. Ты тоже... попробуй ей позвонить. Для меня. Ладно?

Заверив Моли, что будет держать ее в курсе, Бен нажал «отбой» и стал пролистывать свои контакты. Наткнувшись на номер тещиной студии, он поколебался пару секунд. Джун давно не посещала студию, но, по крайней мере, он мог застать в ней кого-нибудь. Там всегда ранним утром проводились танцевальные тренировки.

Но Ди-Ди — женщина, руководившая студией, — не знала, где могла быть Джун, и не разговаривала с ней уже несколько месяцев. Бену удалось нагнать туману и завуалировать цель звонка невинной заботой о супруге: якобы Джун не взяла с собой телефон, а он позабыл, что она

сказала ему насчет своих планов. Слава богу, Ди-Ди купилась на его уловку. Бен не вынес бы еще один поток неуместных расспросов под стать тому, что устроила Моли. Что с ними двумя происходило в последнее время? Как будто можно вот так просто взять и свести все, пережитое в браке, к событиям одной прошедшей недели. Правда, подобная мысль промелькнула в голове Бена чуть раньше, когда он стоял у шкафа Джун — ее запах был как воспоминание. Но он поспешил похоронить эту мысль на задворках сознания. Отсутствие жены ничего не значило. У них с Джун все было замечательно.

Бен торопливо оделся, натянув на себя то, что наугад вытащил из своего шкафа. Сынишку он решил оставить в пижаме. Натянув на ножки малыша крошечные носочки и ботиночки, Бен схватил его крошечную курточку и шапочку и покосился на длинное зеркало, прилоненное к стене. Увидев в нем свое отражение с волосами, разлохмаченными после сна, и Мики с его округлым животиком, выглядывавшим в прорехе между штанишками и кофточкой пижамного комплекта «НАСА», Бен почувствовал себя так, словно они оказались на судне, терпевшем кораблекрушение — абсолютно беспомощные без Джун, способной бросить им якорь спасения. И ощутил жуткую тоску по жене. В груди защемило так сильно, словно ее вспорол острый крюк.

Мики снова заплакал, и Бен пересадил его с правого бедра на левое:

— Все хорошо, сынок. Все в порядке. Давай поедим.

Открыв на кухне холодильник, Бен протянул руку, чтобы схватить полную бутылочку с готовой смесью, но рука замерла на полпути: его взгляд привлекла стоп-

ка пластиковых контейнеров. Это было странно; обычно их холодильник почти пустовал. Бен нахмурился, схватил бутылочку, прикрыл дверцу и распахнул морозилку. Еще более странным было следующее: обычно содержимое морозилки ограничивалось случайным пакетом с замороженными ягодами, а сегодня она была набита почти доверху лазаньями в расфасовке на одну порцию с самыми разными вкусами. Там лежали и лазанья по-итальянски, и лазанья по-флорентийски, и лазанья с курицей, и вегетарианская лазанья, и даже лазанья со шпинатом и рикоттой. При виде такого изобилия глаз Бен округлились. Он не мог припомнить, когда в последний раз ел лазанью.

Он обследовал всю кухню, задержал взгляд на мусорной корзине, до краев наполненной пустыми бутылками — в основном из-под вина, но среди них оказалась и бутылка из-под виски «Джемесон». Внезапно Бен почувствовал острую потребность выйти на улицу. Он больше не мог кружить по их пустому дому в надежде на то, что Джун вдруг вынырнет из шкафа. Ему нужно было ее найти. Схватив ключи от машины и бутылочку молока со стола, Бен решительно пошагал к входной двери, мимо мусорной корзины. В нос ударил едкий запах алкоголя, к горлу подступила тошнота.

За дверью их обжег холодный воздух. Мики зашелся криком.

— Знаю, — буркнул Бен и, услышав в своем голосе нежелательное раздражение, поспешил добавить: — Мне такое утро тоже не по душе.

Едва Бен вышел на крыльцо, раздался рингтон входящего сообщения. Он замер, сердце заколотилось. Су-

нув руку в карман, Бен достал телефон, но, взглянув на экран, лишь вздохнул. Смс прислала Моли:

«Звонки были переадресованы на голосовую почту. Держи меня в курсе. Буду пытаться дальше».

— Проклятие! — пробормотал Бен, засовывая телефон обратно в карман.

Но только он его убрал, как тот звякнул снова. Еще одна эсэмэска — и опять от Моли: «Я просто ничего не понимаю. Она что-то говорила перед тем, как уйти?»

Бен негодуяюще выдохнул. Пар вылетел изо рта белым облачком на фоне темного утреннего неба. Возможно, Бен был параноиком, но вопрос Моли показался ему провокационным. Он словно укорял его: если бы ты действительно понимал свою жену, то на интуитивном уровне почувствовал бы, где она сейчас находилась. Это была всего лишь еще одна версия ее первого вопроса: «Что между вами двумя происходило в последнее время?»

А что между ними происходило в последнее время? Все вдруг — в мгновение ока — стало хреново. Чертовски хреново. У них был четырехмесячный ребенок. Бен зашивался с работой, которой навалилось столько, что продохнуть было некогда. А Джун (он не был слепцом) разрывалась на части, пытаясь справиться с домашними делами. Только она чрезмерно завышала планку — как и во всем, что делала. До рождения Мики Джун буквально помешалась на исторической документалистике. Она просматривала все фильмы, какие только находила, чтобы «ее невежество не отразилось негативно на ребенке». С избытком запаслась натуральными продуктами и игрушками без пластика. И читала вслух романы, склонив голову над животом, чтобы «малыш лучше слышал».